

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	39
Глава 5	50
Глава 6	61
Глава 7	72
Глава 8	84
Глава 9	94
Глава 10	105
Глава 11	116
Глава 12	129
Глава 13	140
Глава 14	154
Глава 15	166
Глава 16	178
Глава 17	190
Глава 18	202
Глава 19	211
Глава 20	222
Глава 21	233
Глава 22	243
Глава 23	253
Глава 24	266
Глава 25	278
Глава 26	288
Глава 27	300
Глава 28	311
Глава 29	323
Глава 30	334
Глава 31	348
Глава 32	358
Глава 33	369
Глава 34	380
Глава 35	392
Глава 36	403
Глава 37	414
Глава 38	425
Глава 39	435
Глава 40	447
Глава 41	457
Глава 42	467

Глава 1

*Декабрь 613 года от Р.Х. Окрестности
деревушки Ренев. Бургундия*

Утро всполошило лагерь неслыханной новостью, и воины ринулись к королевской ставке, пытаясь увидеть там хоть что-то. Все деревья были облеплены сидящими на них зеваками, которые передавали дальше то, что увидели и услышали от глашатая, стоявшего на помосте и зачитывающего длинный свиток.

— Ну, что там? — жадно орали снизу тем, кто сидел на опасно прогнувшихся ветвях.

— Глашатай сказал, что она десять королей убила, — ответили сверху.

— Вот сволочь! — Воины раззявили рты в полном изумлении. — Десять королей? Ишь ты!

— Раздевают! — восторженно заорал вихрастый мальчишка-раб лет десяти, забравшийся выше всех еще до рассвета. — Королеву раздевают!

— И как она? — проснулся интерес воинов, которые не видели ничего из-за моря голов и спин людей, стоявших перед ними.

— Старуха как старуха, — разочарованно сказал мальчик. — Я думал, она в теле будет, а она сморщенная, как печеное яблоко. И избитая вся...

— Так ей годов-то сколько, — успокоили его воины. — Говорят, ей лет сто уже. Не иначе, колдунья. Кто бы еще десять королей-воинов погубить смог. Их же волосы защищают. Точно тебе говорю, колдунья!

— Какую-то животину страхолюдную привели. — Мальчишка изумленно тыкал грязным пальцем куда-то вдаль. — Я про такую и не слышал никогда! На нее сажают!

— Верблюды это, малец, — успокоил его умудренный годами воин, тоже забравшийся на ветку, но пониже. — Мы их в Аквитании видели, когда на короля Гундовальда в поход ходили.

Королеву верхом на огромном животном провели по всему лагерю, чтобы этим зрелищем смогли сполна насладиться все без исключения, а потом передали своим внукам. И впрямь, о чем еще рассказывать долгими зимними вечерами на глухом хуторе, как не о том, что видел этакое диво. Как старую Брунгильду, победившую десять королей, исхлестанную бичами, возили на неведомом животном, которого дети, испуганно сверкающие глазенками, в этой дыре и не увидят никогда.

А пока женщина, имени которой еще недавно страшились самые отважные мужи, ехала по воинскому лагерю, где ее осыпали проклятиями, где в нее бросали камни, грязь и нечистоты. Старуха не согнула спины и не показала страха. На ее лице было написано презрение к черни. Она — дочь короля, жена короля, мать, бабушка и прабабушка королей. Эти люди вокруг не стоят ее мизинца, так что ей их оскорбления? Разве может обидеть собака?

Воины удовлетворились невиданным зрелищем, а королеву стянули с верблюда, бросив на землю. Она даже обрадовалась этому. Ведь ее ноги были в ожогах,

и она стояла с огромным трудом, испытывая мучительную боль.

Вся знать трех королевств ходила и смотрела на ее унижение. А некоторые из тех, кто еще совсем недавно пресмыкался перед ней, платили палачу, чтобы он лишний раз прижал к ее коже горящий факел. Лицемерные негодяи!

— Коня привели! — заорал сверху парнишка. — Ее за ноги привязывают!

— По обычаю тюрингов казнить решили, — удивленно покачали головами воины. — Отродясь у нас таких затей не бывало. Ну, кулаками забьют до смерти бабу какую, ну утопят, как тещу старого Хлодвиг. Или придушат, как Хильперик свою жену-испанку. Но чтобы так... Не по-людски даже...

Два королевских лейда¹, взяв под уздцы коня, запряженного страшной упряжью, поскакали, набирая ход. Королева, тело которой нещадно колотило о кочки и камни, взывала из последних сил и вскоре замолкла. Видно, старуху хорошо приложило по голове. Дальше уже таскали бесчувственное тело, а лейды тянули коня, дуреющего от запаха крови, то влево, то вправо. Наверное, они это делали для того, чтобы удары о стылую землю посильнее размотали грязные ключья, еще недавно бывшие телом повелительницы Запада.

Сам король Хлотарь II стоял на помосте и смотрел на казнь с легкой усмешкой. Длинные, как у всех Меровингов, волосы заплетены в две косы, длиннющими змеями спускавшиеся до пояса. Король одет в римский багряный плащ, штаны и кожаные чулки до колен, перевитые лентами. От простого воина его

¹ Лейды — буквально «королевские люди». Дружинники, ставшие потом земельной аристократией. Аналог бояр на Руси.

отличала, пожалуй, лишь рубаха из переливчатого имперского шелка да широкий пояс с золотой насечкой, который стоил, как крепкая деревня. Рядом с королем держался мальчик лет пяти, с волосенками, спускающимися до лопаток. Это наследник Дагоберт, догадался раб, завистливо поглядывая на роскошный и явно очень теплый плащ принца. Ну вот, самого короля увидел! День определенно удался.

Все самое интересное закончилось, мальчишка-раб белкой спустился с дерева и побежал к кибитке хозяина, который уже отчаялся его дожидаться.

— Само, мелкий засранец! — прорычал разъяренный купец. — Я и так потерял кучу денег, а тут еще ты пропал, дармоед проклятый!

Его хозяин, носивший имя Приск, одевался так, как одевалось римское население по всему Средиземноморью. Простая туника с поясом, сандалии и закругленный снизу плащ-сагум, в который так удобно завернуться, спасаясь от ночной прохлады. Черные смоляные волосы были подрезаны чуть выше бровей, закрывая локонами уши. Смуглое лицо выдавало в нем римлянина из старой семьи, в кровь которой еще не затесались пришлые варвары-германцы.

— Не бей, хозяин! — закрыл мальчишка голову руками. — Я верблюда видел и еще видел, как королеву старую казнили. Мне же интересно было. Когда еще настоящую королеву голой покажут.

— Да чтоб тебя! Вот ведь непоседливый мальчишка! Без еды сегодня останешься. — Гнев хозяина понемногу стихал, и он уже сердился больше для порядка. Ведь если дать слабину рабу, то потом жди беды. Особенно если раб — десятилетний малец из далеких земель вендов¹.

¹ Венды — так германцы называли западных славян.

— За что, хозяин? — привычно занял парнишка. — Я же только посмотрел. Ребята в Сансе¹ обзавидуются.

— А чтоб не баловал, — важно сказал купец, прекрасно зная, что беспутный мальчишка все равно сопрет что-нибудь из еды, но он этого милостиво не заметит. — Одно разорение, одно разорение!

— Почему разорение, хозяин? — спросил Само, который уже понял, что пороть его сегодня не станут. — Ты же не потерял ничего.

— А сколько за войском шли? — возмущенно сказал купец. — А стражников нанять? А тебя, дармоеда, всю дорогу кормить? Это что, ничего не стоит, потвоему?

— Ну, если меня как сегодня кормить, то не так уж дорого я и обхожусь, — резонно заявил мальчишка. — Ай! Больно же! — Он все-таки поймал свой законный подзатыльник.

— Поговори мне еще! — погрозил кулаком купец.

— Ну да, — почесал неровно стриженую голову мальчишка. — Стало быть, они драться не стали, своих королей поубивали², а мы теперь убытки терпим. Вот гады!

Почтенный купец Приск занимался старинным и уважаемым ремеслом. Он торговал живым товаром. Этим занимался его отец, его дед и даже дед его деда. Там, где было горе, там всегда появлялся он. Вольные когда-то люди, попавшие в жернова войны, продавались купцам за бесценок, а потом шли, разлученные с семьями, горбатиться на виллу какого-нибудь сена-

¹ Санс — город на севере Бургундии.

² Речь идет об убийстве малолетнего короля Сигиберта II, короля Бургундии и Австразии, и его младшего брата 10 октября 613 года н.э. Король был предан своей знатью, переметнувшейся к Хлотарю II, его двоюродному дяде, королю Нейстрии.

тора из старой римской семьи, а то и к кому-нибудь из новой знати. Короли франков лет тридцать назад позволили торговать землей и частенько наделяли ею своих лейдов. Рабы были нужны, и торговля ими не утихала никогда. Сорок лет междоусобиц, что терзали Галлию¹, превратили цветущую землю в бледное подобие самой себя. Целые области разорили войной, а поэтому такие, как Приск, трудились не покладая рук.

Австразия напала на Нейстрию — он тут как тут, скупает пленных ополченцев и продает их на юг. Нейстрия пошла войной на Бургундию — и он снова рядом, платя золотом за рыдающих девок из-под Орлеана. Лангобарды толпами гнали на север римлян из разоренной ими Италии, и почтенный Приск снова в деле. Только с вендами да германцами из-за Рейна он связываться не любил. Уж больно капризный товар, все норовят убежать. Да и покорность вбивать в них нужно месяцами, иначе покупатель испугается, увидев дерзкий взгляд, и пройдет мимо. Впрочем, эти дикари стоили совсем уж дешево, но зато требовали неусыпного внимания умелых специалистов из его рабской казармы.

Отсев был довольно большой. Лесные варвары норовили убежать или кинуться на копья охраны, а поэтому до продажи не доживала примерно десятая часть, самые сильные и буйные. Впрочем, кочевники-авары, что гнали на продажу этих дикарей, знали свое дело и вели по большей части баб и ребятишек лет до пятнадцати. Ну, и мужиков тоже гнали, из тех, кто казался покорным и не хотел разлучаться с семьей. Они до последнего надеялись на чудо.

¹ Речь идет о сорокалетней междоусобице, которая в исторической литературе называется войной Брунгильды и Фредегонды. Прочитать об этом можно в цикле «Война двух королев».

А мальчишка стянул краюху хлеба, вычистил ею до блеска горшок с остатками каши, прикрылся затхлой ветошью в кибитке почтенного купца Приска и задремал. Работы сегодня не будет. Сплошное разорение!

— И никакой я не Само, — обиженно пробормотал он, засыпая. — Я — Самослав. Само меня мамка называла, когда я совсем малой был. А я уже большой. Вот!

— Да что за чертовщина мне опять снится! — Николай Семенович Мещеряков открыл глаза и с натужным стоном сел в постели. — Это все морфин, врач ведь предупреждал.

Хриплое дыхание вырывалось из груди отставного подполковника. Еще недавно сильный и упрямый как бык мужчина умирал на глазах. Рак легкого, чтоб его... Доктора сказали, что он может расти долго и не давать о себе знать, а когда почувешь неладное, будет уже поздно.

Как и все нормальные мужики, Николай Семенович лечиться не любил, больниц и докторов избегал как черт ладана. Даже проклятую флюорографию не делал годами, за что и поплатился. До последнего тягал гири, бегал и работал в саду. Шестьдесят пять лет всего, кмс по боксу и боевому самбо, какие его годы.

Жизнь закончилась, когда как-то утром он выплюнул сгусток крови после начавшегося кашля. Как водится, подивился и забыл. А потом это повторилось еще раз, а потом еще. А потом это увидела жена... Он никогда не сможет забыть тот ужас, что плеснулось тогда в ее глазах. Она закрыла рот рукой и только и смогла прошептать:

— Коленька, родной! Да как же это! Господи, за что?

И она зарыдала. Людмила Ивановна отработала медсестрой больше двадцати лет, пока в семье не появились первые большие деньги. Тогда-то она уволилась с копеечной зарплаты и стала заниматься домом. Людмила слишком хорошо знала, что может означать кровь в мокроте.

— Пойдем в больницу! — с безумной надеждой смотрела она на него. — Это всего лишь туберкулез! Это лечится. Полежишь полгодика, как новый потом будешь. Коленька, ну пожалуйста!

Николай Семенович отмахнулся. Ну, подумаешь кашель, с кем не бывает. Но жена была неумолима, как неумолим оказался диагноз. Рак легкого четвертой стадии, неоперабельный. В тот момент он словно почувствовал, как над ним захлопнулась крышка гроба. Про истинное положение дел ему так ничего и не сказали. Гнусная привычка онкологов вываливать горькую правду на родственников бесила, с одной стороны, но оставляла крошечную надежду с другой.

У нас принято щадить больных, не то что в голливудских фильмах, где врач, сверкая зубными протезами, сообщает: «У вас неоперабельный рак. Вам осталось жить три месяца. Вот счет за консультацию. Спасибо, что обратились в нашу клинику». А откуда эта холеная сволочь может знать, что именно три месяца, а не четыре? Он что, Господь Бог? Этого Николай Семенович никогда не мог понять. С другой стороны, все по-честному, и человек может привести в порядок свои дела, переписать имущество на жену и детей, не позволяя родне передрасться у гроба. Кто его знает, что лучше...

Отставной подполковник встал с кровати, не обращая внимания на тяжелый запах, пропитавший его комнату. Он угасал и явно видел, как обвисают крепкие еще недавно мышцы, как худеет лицо и растут

мешки под глазами. Анальгин и трамадол его давно не брали, и дикую боль, терзавшую измученное тело, заглушали только наркотики, которые почерневшая от горя жена каждую неделю получала в диспансере. Он понял, что это конец, и вот тогда-то его и начали посещать эти странные сны. Доктор предупреждал, что могут быть галлюцинации как побочный эффект. Да только на галлюцинации все это совсем не похоже.

В этих снах он был мальчиком-рабом, росшим в Галлии в самом начале VII века. По множеству событий и имен, водопадом проливших на него, Николай Семенович понял, что все это происходит в королевстве франков. Причем этих королевств почему-то было три, но страна вроде бы одна. Ничего не понятно! Слава богу, он еще в разуме и интернетом пользоваться умел. А что еще делать, когда точно знаешь, что умрешь? Да все что угодно, лишь бы забыть, что с тобой на самом деле происходит. Интернет подошел для этой цели как нельзя лучше.

Каждый раз снилось что-то новое, и на эффект морфина все это было совсем не похоже. О тех временах Николай Семенович не знал почти ничего. Он что-то такое слышал про войну Брунгильды и Фредегонды, как и многие, но не вникал глубоко. Такая седая древность его никогда не интересовала. То ли дело Великая Отечественная. Там и почитать есть о чем. К примеру, как бравый попаданец двадцать первого июня приходит на прием к товарищу Сталину. Чушь, конечно, но ведь до чего забавно. Грешен Николай Семенович, любил полистать всякий разноцветный шлак, что продают теперь в книжных магазинах.

Отставной подполковник загрузил поисковик и вколотил непослушным пальцем: «Брунгильда, казнь, Хлотарь». Он надел на нос очки и погрузился в чтение.